

Интернат

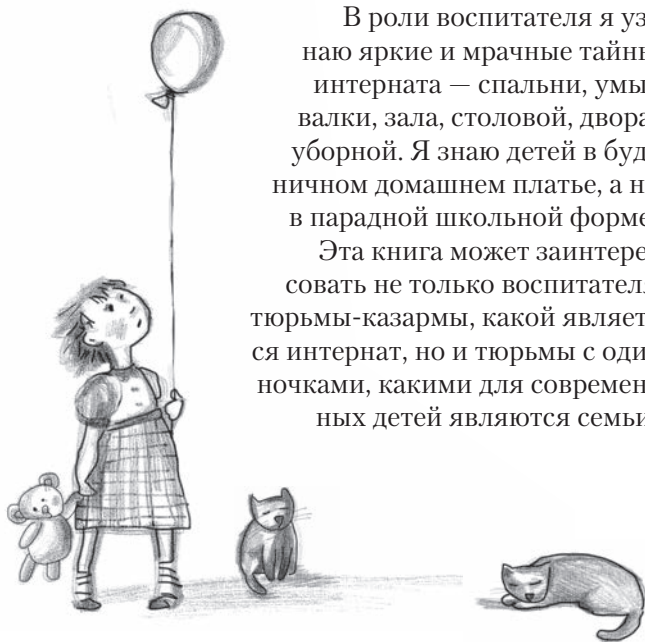
1 Я желаю написать книгу о городском интернате,

где под наблюдением небольшого числа воспитателей, в собственном здании, при немногочисленном техперсонале воспитывается сто человек сирот — мальчиков и девочек школьного возраста.

Эта тема не может похвастать богатой литературой. Обычно встречаются или труды исключительно по гигиене, или страстная критика самого принципа массового воспитания детей.

В роли воспитателя я узнаю яркие и мрачные тайны интерната — спальни, умывалки, зала, столовой, двора, уборной. Я знаю детей в будничном домашнем платье, а не в парадной школьной форме.

Эта книга может заинтересовать не только воспитателя тюрьмы-казармы, какой является интернат, но и тюрьмы с одиночками, какими для современных детей являются семьи.

Как в интернате, так и в семье детей истязают; более энергичные пытаются обмануть надзор, вырваться из-под неусыпного контроля — упорно и безнадежно борются за свои права.

Боюсь, читатель захочет мне слепо поверить, тогда эта книга принесет ему вред. Поэтому предупреждаю: путь, который я избрал, стремясь к своей цели, ни самый короткий, ни самый удобный, но для меня самый лучший, раз это мой — собственный — путь. Я нашел его не без труда, не без мук и лишь когда понял, что все прочитанные книги — чужой опыт и чужие мнения — лгали.

Издатели печатают подчас золотые мысли великих людей; насколько было бы полезнее составить свод ложных высказываний классиков правды и знания. Руссо начинает своего «Эмиля» фразой, которую опровергает вся современная наука о наследственности*.

2 Книга эта должна быть как можно короче,

потому что я предназначаю ее в первую очередь моему юному товарищу, который попал в круговорот труднейших педагогических проблем, сложнейших жизненных обстоятельств и, ошеломленный и огорченный, взывает о помощи.

У бедняги нет времени на учебу. Ночью его два раза будили: у ребенка болел зуб, ребенок за-

* Руссо Жан-Жак (1712–1778) — французский писатель и философ, создатель концепции естественного и свободного воспитания. Его роман-трактат «Эмиль, или О воспитании» (1762) начинается словами: «Все выходит совершенным из рук Творца, все вырождается в руках человека».

плакал — пришлось утешать и лечить. Едва воспитатель уснул, будит второй; этому приснился страшный сон: мертвецы, разбойники... хотели убить, бросили в реку; воспитатель опять успокаивает, убаюкивает...

Человек сонный не может читать на ночь толстых педагогических трудов, у него слипаются глаза, а если он не выспится, то станет раздражаться, выходить из себя и не сможет проводить в жизнь спасательные идеи ученой книги. Я буду краток, чтобы не лишать воспитателя его ночного отдыха.

3 Днем у него нет времени на учебу.

Только он сел за книжку, подходит ребенок с жалобой, что он писал, сосед его подтолкнул и вышла клякса и теперь он не знает, то ли начать все сначала, то ли оставить так, то ли вырвать страницу. Другой ребенок хромает: в башмаке гвоздь, не может ходить. Третий спрашивает, можно ли взять домино. Четвертый просит ключ от шкафа. Пятый подает носовой платок: «Нашел вот, а чей — не знаю». Шестой дает на хранение четыре гроша, которые получил от тетки. Седьмой прибегает за платком: «Это мой платок, я его только на минутку положил на окно, а он уже взял!»

Там, в углу, маленький недотепушка играет ножницами — насорит, порежется — кто ему их дал? Посредине комнаты горячий спор, готовый перейти в драку, — надо вмешаться. Тот, у кого ночью болел зуб, носится теперь как угорелый и, того и гляди, опять кого-нибудь подтолкнет или опрокинет чернила, а к ночи снова, может быть, у него разболится зуб.

Воспитатель должен очень захотеть, чтобы одолеть хотя бы маленькую книжку.

4 Но он не очень хочет, потому что не верит.

Автор с помощью многочисленных цитат докажет свою ученость. Еще раз повторит то, что общеизвестно. Все те же благочестивые пожелания, согревающая душу ложь, невыполнимые советы: «Воспитатель обязан... обязан... обязан...» А в конечном счете во всех мелких и важных делах воспитатель вынужден поступать как знает и как умеет, а главное — как может.

— Это хорошо в теории, — печально утешает себя воспитатель.

И испытывает неприязнь к автору за то, что тот, сидя в тишине, за удобным письменным столом, диктует предписания, не обязанный сам непосредственно соприкоснуться с подвижной, крикливой, надоедливой, непослушной оравой, рабом которой становится каждый, кто не хочет быть ее тираном, и из которой то один, то другой так основательно отравляют тебе изо дня в день жизнь, что с трудом скрашивают остальные.

К чему дразнить его миражом глубоких знаний, серьезных задач, высоких идеалов, когда он есть и должен остаться педагогической золушкой, батраком?

5 Он чувствует, что утрачивает энтузиазм,

который возникал в нем самопроизвольно, независимо от чьих-либо приказов.

Раньше его тешила мысль, что вот, мол, он организует игру, приготовит детям сюрприз. Он желал